

УДК 329 (470+57)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

Г.Н. Долгова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: fgsn@info.sgu.ru

В статье на обширном фактическом материале показана роль приватизации в формировании многопартийности в России. Приватизация явилась одним из сильнодействующих факторов, обостривших идейно-политические позиции разных социальных групп. Воздействие приватизации на процесс возникновения и развития российской многопартийности и исследуется в данной статье.

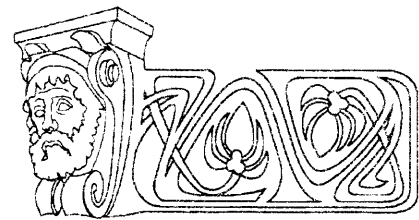
Ideological factors of privatization

G.N. Dolgova

Privatization of state property in Russia was one of the main factors that influenced political positions of different social groups. The article studies the influence of privatization on the development of Russian multi-party system.

Среди разнообразия мотивов приватизации, известных из практики многих стран, для России, как и для других постсоциалистических стран, особое значение имели идеологические факторы. Идеология призвана была подготовить общественное сознание к восприятию новых ценностей в виде частной собственности, рыночных отношений, социального расслоения. Идеологическое, культурологическое обеспечение приватизации было необходимо и заключалось в переустройстве общественного сознания и общественных представлений с социалистической на либерально-капиталистическую систему ценностей. О необходимости именно такой подготовки общества к восприятию новых социально-экономических принципов, в том числе приватизации государственной собственности, писали западные теоретики и политики — специалисты в вопросах приватизации¹. Да и сама по себе идейно-культурная подготовка населения к радикальным переменам, планируемым и проводимым властями, логична.

Политика всегда нуждается в идеологическом компоненте. Американский политолог Карл Фридрих, вслед за многими марксистскими и либеральными теоретиками, но только может быть чётче, выразил мысль о том, что «идеологии неразрывно связаны с политическим процессом, ибо без идеи не бывает никаких политических действий»². Влияние идеологии проявляется во всех фазах политического процесса: осознание проблемы, выбор и принятие политического решения, его осуществление, оценка результатов. Причём политический процесс очень требовате-

лен к содержанию и формам идеологической деятельности. Неслучайно политическая идеология отчётливо ориентируется на практические действия политики, стремится к реальному влиянию на политическое поведение различных акторов: индивидов, социальных групп, движений, партий. Тем более что все субъекты политики нуждаются в идеологических средствах сплочения и руководства, поскольку идеология, в конкретизации А.И. Демидова, направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует их волю, мобилизует активность, способствует интеграции групп, вовлечённых в политическое действие или готовящихся к нему³. По нашему мнению, все эти функциональные проявления идеологии непосредственно относились к приватизационной политике в России.

По нашему мнению, с точки зрения идеологического состояния общества Россия (Советский Союз) для приватизации была плохо подготовленной страной. Подавляющая часть населения имела антисобственнический идейный настрой, отрицательно относилась к частному предпринимательству как к чуждому, антиобщественному явлению. Активные поколения россиян не имели никакой рыночной практики, негативно относились к понятию бизнеса, поскольку видели лишь его извращённые формы в виде спекуляции, мошенничества, коррупции. Все эти идейно-нравственные представления людей сформировались за многие десятилетия советского образа жизни. Выделим, как нам представляется, важнейшие идеологические факторы, составлявшие систему идейной советской позиции в сфере собственности и экономических отношений вообще.

Прежде всего, это «базовые» российские традиции, многократно выявленные, затверждённые как какие-то пограничные столбы. Мы не склонны их абсолютизировать, но сознаём их сохранявшееся в девяностые годы влияние на некоторые социальные группы российского населения. В группу этих «базовых» традиций включаются: склонность к общинности, коллективизму и коллективистским хозяйственным действиям; соблюдение многих элементов и норм православия, ориентир на православные догмы в отношениях собственности, власти, государства; отсутствие рыночного духа, привычка ведения натурального хозяйства и самого простого обмена личного труда на необходимые

вещи и услуги, продукты своего труда на продукты труда других людей.

Наличие у русских, а шире – у славян, качества общинности давно утвердилось в научной литературе. Это качество выявляли и анализировали многие российские мыслители: В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, П.А. Сорокин, И.Л. Солоневич, И.А. Ильин и другие⁴. Общинность признавалась важнейшим элементом русской ментальности, ибо весь уклад русской народной жизни носил общинный характер. Община была прочной основой этой жизни, обеспечивала определённое социально-экономическое положение крестьянского двора как семейно-трудового объединения, выступала гарантом отношений собственности. Эти отношения можно определить как индивидуально-семейно-общественные. Именно такая совокупность отношений отторгала частную собственность, делала её ненужной экономически и идеологически. На рубеже XIX–XX вв. частной собственностью в России владели лишь несколько процентов населения. Вообще отношение к собственности во всех кругах российского общества было достаточно легковесным по сравнению с другими европейскими государствами. Общинность в русском менталитете тесно связана с понятием «мир», в значении объединение, сообщества людей, коллектив. Коллективистские настроения всегда широко проявлялись в России. Они распространялись на производство, быт, отдых, творчество, управление, семейные отношения. Именно такие коллективистские качества российского населения как традиционные посчитал нужным выделить в своём послании 2005 г. Президент РФ В.В. Путин. Он подчеркнул, «что такие ценности как крепкая дружба, взаимовыручка, доверие, товарищество и надёжность в течение многих веков оставались на российской земле ценностями непреложными и непреходящими»⁵. Индивидуалистские формы жизни, естественно, имели место, но общинное, коллективистское начало традиционно преобладало. По оценке Н.А. Бердяева, относящейся к началу Первой мировой войны: «Русский народ слишком живёт в национально-стихийном коллективизме, и в нём не окрепло ещё сознание личности, её достоинства и её прав»⁶. В условиях капитализации российского общества снижалось значение общинности, нарастало значение принципов, диктуемых рыночными отношениями, но эти процессы получили распространение преимущественно в городах, в деревне их проявления были незначительными. А в начале XX века Россия насчитывала 85–86% сельского населения⁷.

Существенное воздействие на хозяйственные традиции славянского населения оказывала православная вера, которая в качестве официальной, государственной господствовала несколько веков. Как точно подметил М. Вебер, каждая религия имела такие свойства, «которые были решающи-

ми для формирования жизненного практического поведения её последователей и отличали её от других»⁸. Православие выделялось своеобразным отношением к государству: оно признавало верховенство государственной власти в административно-политической сфере и тем самым внушало верующим необходимость подчинения государству, надежду на его участие в их судьбах. Преклонение перед государством переносилось на главу государства – помазанника божьего; во многом эта традиционность объясняет сильнейшие позиции единовластия в России – царя, генсека, президента. Отношение к государству как к все-сильному организму, внушённое православием многим поколениям россиян, распространялась и на экономическую сферу. Логично было видеть в государстве главного собственника, самого надёжного и могущественного, ни при каких обстоятельствах не теряющего свою собственность, но также способного одарить богатством или изъять последнее. Убеждение во всевластии государства православие внушало одновременно с преимуществами общей собственности, коллективных начал в хозяйственной деятельности, в отношениях с природой, а также с критическим подходом к проявлениям индивидуализма в экономической сфере. Православие распространяло также как одну из главных своих догм принцип соборности, под которым понималось единение людей, укрепление отношений между ними в процессе трудовой и социальной жизни. Соборность несла общественное согласие, стремление к солидарности и отрицание социального эгоизма. В переносе на отношения собственности это означает приоритет общественных, коллективных форм хозяйствования.

Влияние православной церкви на русское общество на протяжении тысячелетий истории государства было огромным. В отдельные века на её идеологии строилась вся государственная политика. В сфере действия православия находились и приверженцы иных конфессий, и атеисты. Поэтому следует согласиться с оценкой П. Сорокина в том, что «основные черты русского сознания и все компоненты русской культуры и социальной организации, а также все системы основных ценностей представляли собой идеологическое, поведенческое и материальное воплощение этой главной посылки (то есть христианской религии)»⁹. Здесь, разумеется, Сорокин имеет в виду православную ветвь христианства.

Важной особенностью российского менталитета на протяжении веков была слабая связь людей с рыночными отношениями, настороженное отношение к частной собственности, деньгам как необходимым элементам торговой деятельности. Этими качествами российские люди всегда отличались от большинства европейских народов. Во многом наличие такой особенности в психологии народа объясняется необычной территориальной размещённостью¹⁰, которая, создавая большие

сложности в развитии единого рынка, диктовала замкнутость хозяйственных связей, натуральное хозяйство, самообеспечение населения на отдельных территориях. В России позже большинства европейских стран сложился внутренний рынок, сформировались финансовые и предпринимательские слои населения, появилась и укрепилась национальная финансово-банковская система. Эти черты экономического развития России нельзя считать ущербностью страны, они являлись результатом объективных условий, в которых она развивалась. Они ни плохи, ни хороши сами по себе. Как утверждает Н. А. Бердяев, «русскую самобытность не следует смешивать с русской отсталостью... национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью...»¹¹.

Идеологические ценности и традиции дореволюционной России были подвергнуты сильнейшей ломке и целенаправленному вытеснению в условиях советско-коммунистической политической системы. Основы гражданского сознания и духовности были разрушены при одновременном и стремительном насаждении марксистско-коммунистической идеологии. В советское время подобные действия были естественны, ибо марксизм являлся как раз той идеологией, суммой политических идей, нацеленных на обеспечение революционного переустройства общества. По меткому замечанию А. А. Зиновьева, «идеологическая революция охватила все сферы жизни общества и все слои населения. Идеологическая масса заполнила всё социальное пространство страны»¹². Содержательным наполнением этой «массы» оказались: критика основ капитализма и, особенно, частной формы собственности, восхваление будущего коммунистического общества и связанных с ним социально-политических идеалов, защита реально существующего социализма со всеми его достижениями и провалами. Оценивая, с точки зрения нашего исследования, содержание советской идеологии отметим, на первый взгляд, парадоксальное явление: по многим существенным составляющим эта идеология совпадала с дореволюционными российскими ментальными традициями.

Прежде всего, это относится к проблеме собственности. Коммунистическая идеология относилась к самым страшным элементам капитализма, считала источником эксплуатации, неравенства и угнетения одних социальных групп другими и настаивала на её полном уничтожении. Эта идея господствовала во всех марксистских и коммунистических документах от Манифеста коммунистической партии (1848 г.) до программы КПСС (1961 г.). В противовес частной форме собственности превозносилась общественная собственность на средства производства. Реализация задачи по полному вытеснению частной собственности из экономики страны в конце тридцатых годов была оценена как создание основ социалистического общества. А полное гос-

подство государственной собственности во всех сферах общества в конце пятидесятых годов было объявлено полной и окончательной победой социализма. В это время общественная собственность имела две формы: государственную и колхозно-кооперативную, которая находилась под полным контролем советского государства. Прошло ещё полтора – два десятилетия, и советские люди настолько далеко ушли от реальностей, связанных с частной собственностью, и адаптировались к социально-экономическим отношениям, основанным на государственной собственности, что самой частной собственности большинство из них просто боялось. Можно сказать, что коммунистические идеи в отношении собственности легли, в некотором смысле, на подготовленное сознание общинности, коллективизма огромной части российского населения.

Аналогичной этой оказалась и ситуация с рынком, с товарно-денежными отношениями. Конечно, советская экономика принципиально отличалась от дореволюционной по своей структуре, масштабам, характеру, но, самое главное, она совершенно утратила рыночные черты. Государственно-плановое регулирование всех элементов экономики от производства до распределения товарной продукции исключало любые признаки рыночности. К тому же советское население лишено было возможности формировать капиталы и заниматься бизнесом, да и не стремилось к этому, о чём свидетельствуют традиции. Советские политические и экономические условия закрепляли в сознании и поведении людей отторжение рыночных настроений и поступков. Если они и имели место в неофициальной, теневой сфере, то осуждались не только законодательно, но и морально-идеологически. В обществе 1960–80-х гг. господствовал антирыночный, антипредпринимательский дух.

Но самым парадоксальным оказалось совпадение марксистской идеологии с некоторыми догмами православия в условиях ожесточённой борьбы советской власти против религии и церкви. Совпадение касается отношения к феномену государства. Разрушив буржуазное и создав рабоче-крестьянское государство, марксизм призвал всё общество поклоняться ему. И делал это с большей настойчивостью, нежели православие в своё время делало в отношении российского государства. Идеология тотальности советского государства была воспринята российским населением достаточно легко, именно из-за укоренённости в его сознании православного преклонения перед государственной властью и его конкретными носителями.

Вообще, в социалистический период развития страны общество, в идеологическом смысле, было дистанцировано от частно-капиталистических отношений. Идеология единой общественной собственности и полного неприятия частной формы была закреплена законодательно и подкреплялась

всеми средствами воздействия на сознание людей: этому способствовали образование, искусство, литература, средства массовой информации. Эта идеология призывала всю жизнь советского человека: и закономерно, что социалистическая политико-правовая концепция негативного отношения к капиталу, бизнесу, рынку господствовала в общественном сознании советского народа.

Для обеспечения более-менее серьёзной общественной поддержки процесса приватизации требовалось переломить существовавшую идеологическую ситуацию, внедрить в обществе иные ценности и идеалы. Определённая эрозия советской идеологии происходила уже в последние годы брежневского правления, когда Запад обрушил на советское общество мощный поток информации, восхвалявшей западный образ жизни и критикующей основные элементы советского строя. Пропандистские удары западных идеологических служб наносились по фундаментальным принципам идеологии: они касались преимуществ советского строя и образа жизни, народного характера советского государства и социального равенства в советском обществе, национальной политики, проводимой КПСС, и роли самой КПСС. Система западных ценностей, подкрепляемая соблазнами западного образа жизни, разнообразными способами внедрялась в советскую среду, способствуя быстрому смещению интересов людей в сторону чисто материальных потребностей. В первой половине 1980-х гг. сомнения по поводу успехов СССР в экономической сфере, сравнения советского и западного уровней жизни получили в нашем обществе широкое распространение. Но существенного движения в сторону частной собственности в общественном сознании ещё не наблюдалось.

Ситуация стала приобретать новые черты в условиях горбачёвской перестройки. Значительное смягчение идеологической политики и провозглашение курса на обновление социализма (объявленного ещё Ю. В. Андроповым)¹³ обеспечило накал политических дискуссий в обществе. В средствах массовой информации, в научных журналах, в возникших общественно-политических организациях, в трудовых коллективах и даже в организациях КПСС развернулись острые дискуссии «о судьбах социализма, о характере построенного в СССР общества, о «моделях» социализма, а стало быть, и об избранном пути обновления»¹⁴. Руководство КПСС эволюционировало в сторону всё большей демократизации общества. Начав с курса на ускорение темпов экономического развития, оно вскоре перешло к лозунгу перестройки или «радикальной реформы» в производственных отношениях, а затем – и к концепции демократизации общества как «программе изменения существующей политической системы».¹⁵ Реформирование идеологии в период перестройки превратилось в определённую ревизию марксизма-ленинизма, постепенно стали

использоваться такие категории, как гражданское общество, парламентаризм, разделение властей, рынок, которые классиками марксизма характеризовались как буржуазные явления¹⁶. Фактически, в этих дискуссиях столкнулись две концепции перестройки общества: радикальная, подвергшая сомнению сами основы социализма, и умеренная, нацеливавшая на совершенствование социалистического общества. Характерно, что именно в обсуждении характера перестройки и в КПСС, и в обществе в целом началось реальное формирование разных политических позиций, постепенно расхопившихся и по идеологическим вопросам. Думается, что именно в эти годы советское общество стало переходить к положительному (или терпимому) восприятию отдельных элементов западной идеологии, относящихся к экономической сфере, например: частной собственности, свободному рынку, конкуренции разных форм хозяйствования. Быстро нараставшее кооперативное движение в какой-то степени оказалось носителем этих элементов и осуществляло капитализацию советской экономики. На рубеже 80–90-х гг. XX в. в советском обществе был накоплен некоторый потенциал восприятия либеральной идеологии, необходимой для понимания социально-политического смысла приватизации государственной собственности и обеспечения социальной поддержки при её осуществлении.

Политические идеи классического либерализма, лежащего в основе устоев западного общества, хорошо известны. Они уже более трёх веков культивируются в странах Запада, толкуемые и используемые в политическом управлении то в более развёрнутом, то в несколько ограниченном виде. Десятки крупных мыслителей разных стран, но почти без участия российских учёных¹⁷, вносили в развитие либерализма свою лепту. В разные периоды своего развития западный мир обращался к либеральной идеологии то с большим, то с меньшим интересом. В 1980–90-е гг., как уже подчёркивалось, внимание к либеральной идеологии резко возросло, она открыто использовалась как теоретическая база новой политики в экономической сфере, проводимой многими западными государствами. Принципиальными идеями либерализма или неолиберализма этого времени являлись классические (политические и гражданские свободы личности, позволяющие каждому гражданину участвовать в управлении; правление закона или правовое государство, деятельность которого регламентирована и отделена от гражданского общества; право частной собственности, обеспеченное законодательно и политически) и присвокупленные к ним в условиях политической борьбы второй половины XX в. идеи социальной ориентации политики и экономики (социальная политика государства, социальные гарантии для различных групп населения, возможности защиты личностью своих социальных интересов и т. п.)¹⁸. Приспосабливаясь к

общественным условиям второй половины XX в., либерализм значительно расширил пространство своей идеологии. Он стал выступать в форме разных течений либерализма, эгалитаризма, коммунитаризма и других¹⁹, суть которых заключалась, главным образом, в сохранении влияния этой классической буржуазной идеологии на общество, в котором возникло множество новых социально-политических интересов, движений и проектов. Один из поборников неолиберализма М. Сэндел даёт такую интерпретацию этого разнообразия идеологических позиций: «Когда либертариисты-либералы защищают экономику, основывающуюся на частной собственности, а эгалитаристы-либералы выступают за государство всеобщего благоденствия, коммунитаристы беспокоятся о концентрации власти и в корпоративной экономике, и в бюрократическом государстве, а также об эрозии тех промежуточных форм общества, которые временами поддерживали более живую общественную жизнь, то есть о разрушении гражданского общества»²⁰. Очевидно, что коммунитаризм, к примеру, отказывается от признания необходимости регулирования рыночной экономики и любой формы «государства всеобщего благоденствия». То есть в современном неолиберализме идейное пространство оказывается ещё более широким, чем в XVIII или в середине XX в.; оно способно «удовлетворить» самые разные социальные группы населения.

Либерализм именно такого вида и стал насаждаться в российском обществе в качестве новой идеологии²¹. В основе процесса распространения новой идеологии находились два важных направления политики. Во-первых, распространение мнения об историческом поражении социализма в соревновании с капитализмом и жестокая критика всего советского прошлого, порой бездоказательная, необъективная, но системно представляющая в негативном свете все важнейшие явления и события советского времени. Это направление возникло ещё в условиях Советского Союза, в рамках борьбы демократической оппозиции с коммунистическим руководством при сильнейшей поддержке западных правительств и СМИ. Во-вторых, развенчание коммунистической идеологии, стремление максимально быстро устранить её из политического процесса и общественного сознания. Это направление открыто проявило себя только после августовских событий 1991 г. и отстранения от власти Президента СССР М.С. Горбачёва. А официальной политикой деидеологизации российского общества была объявлена сразу после распада СССР и при быстрой концентрации государственной власти в руках Президента РФ Б.Н. Ельцина. Законодательное утверждение деидеологизации страны состоялось в Конституции РФ, статья 13 которой гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»²².

Характерно, что деидеологизация не носила всеобщего характера. Она относилась только к коммунистической идеологии, сводилась к запрету на это мировоззрение. Но одновременно государство и общество оказывали существенную поддержку возрождению религиозных идей, распространению националистических, внедрению идей либерализма. По-видимому, «коммунистическая деидеологизация» выполняла роль расчистки пространства в общественном сознании для восприятия новых идей. Распространение неолиберальных идей было идеологическим обеспечением приватизации. И оно было не только необходимо, но и неизбежно, ибо идеология освещает политику, готовит общество к восприятию её действий и результатов.

Конечно, в период активной стадии трансформации российского общества (в первой половине девяностых годов) ломалась вся система идейных и ценностных предпочтений, утверждалась новая идейная основа развития. Точно выразил эту тенденцию В.И. Жуков: «На смену идеологии “обновления социализма” шла и набирала привлекательность идея “рыночных отношений”»²³. Совокупность культивируемых в тот период идей сложна и трудно поддаётся научной систематизации. Не ставя перед собой подобной задачи, выделим только группу идей, обеспечивающих процесс приватизации. Они носили чисто политический характер, а их распространение было важнейшей составляющей политического фактора приватизации.

Отметим также, что идеология проводившихся преобразований как официальная основа новой экономической политики была достаточно простой, скопированной с образцов западной экономической теории и практики. Она содержала три базовых постулата: либерализация, приватизация, стабилизация. Именно эти три идейно-политические линии называют основной характеристикой идеологии «догоняющей модернизации» или реформирования России начала девяностых годов и теории, поборники этого процесса²⁴, и его противники²⁵. Значит, действительно эти идеи играли ключевую роль в российской концепции преобразования. Суть этих постулатов состояла в сведении к минимуму государственного регулирования экономики, ограничению его защитой прав собственности и поддержанием правопорядка; в либерализации цен, внутренней и внешней торговли; в стремлении стабилизировать через денежно-кредитную политику денежную массу, инфляцию, курс национальной валюты. Ясно, что такие категории использовались в структурах органов управления, науки, бизнеса. Для общества подобная совокупность идей была бы слишком формализованной и общей идеологической конструкцией, слабо действующей на сознание подавляющего большинства населения.

Для массового пользования предназначалась идеология приватизации, выраженная в простых

формах, доступных для восприятия самых разных групп населения и легко культивируемая в СМИ. По нашему мнению, она полностью укладывается в четыре базовые идеи.

Первая. Низкая эффективность советской экономики объясняется тем, что вся она является государственной собственностью. А государство – обезличенный, а значит неответственный владелец. Собственности нужен настоящий хозяин. С этой целью необходимо введение частной формы собственности путём отнятия собственности у государства, которое должно «перестать быть доминирующим собственником и субъектом экономических отношений в стране»²⁶. Идея эффективности частной собственности была, конечно, главной. Она культивировалась в качестве панацеи от всех социальных и экономических проблем кризисного общества. Она объявлялась гарантом выведения страны к многоукладному состоянию экономики, на современный уровень экономического развития. Следует отметить, что идея превращения всех граждан в собственников, то есть введение частной формы собственности в правовое поле страны, превращение её в нормальный социальный институт быстро приобретала популярность и в городе, и в деревне. Она оказалась основным идейным гарантом приватизации. Тот факт, что вместе с введением частной собственности должно ослабнуть государство и сократятся его социальные функции, постепенно отходил в общественном сознании на второй план.

Вторая – ограниченность возможностей плановой экономики и безграничная успешность рыночных отношений. Оба тезиса культивировались очень широко. Утверждалось, с одной стороны, что плановая экономика повинна в дефиците товаров и услуг народного потребления, в устаревшей структуре производства, в высокой ресурсной затратности экономики и низкой производительности труда, в плохом качестве товаров, в неравной системе оплаты труда и тому подобном. С другой стороны, со ссылками на японский, американский, западноевропейский опыт, превозносились механизмы рынка, который сам всё регулирует: производство, спрос, цены, качество, ассортимент, оплату, темпы, структуру производства. И при этом рынок учитывает, соблюдает все пропорции и интересы. Идеализация рыночной экономики носила, нередко, примитивный характер, но была широко распространена и также пользовалась всё большим доверием в обществе. Эффективность рынка подтверждалась многочисленными примерами реальных достижений западной экономики в сфере товаров и услуг.

Третья – всеобщность свободы. Речь шла о правах и свободах личности вообще, как одной из самых привлекательных идей всей концеп-

ции реформирования, а в её контексте самостоятельное место занимала идея экономической свободы. Под ней понимались свобода владения собственностью, свобода предпринимательства и перемещения капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, свободы торговли, в том числе внешней торговли, свобода трудоустройства, свобода в характере и масштабе получаемых доходов. Среди подобного набора свобод порой провозглашались даже несовместимые с нормами общественных отношений: свобода взяток чиновниками в случае «качественного исполнения услуг», свобода спекулятивных сделок, свобода использования служебного положения в интересах обогащения и тому подобное. Подобные «свободы», естественно, неоднозначно воспринимались в обществе, хотя в некоторых слоях становились нормой. В целом, экономические свободы поддерживались большинством самодельного населения.

Четвёртая – наличие массовых слоёв собственников как социальная база демократии. Возможность демократического государства, гражданского общества, демократического развития напрямую увязывалась с широким слоем собственников, кровно заинтересованных во всём этом. В этой идеологической линии было две особо важных идеи. Первая заключалась в том, что собственники станут хорошо организованным слоем общества с помощью экономических, культурных, территориальных и политических объединений. Вторая – в том, что собственники будут политически активны и способны оказывать решающее воздействие на результаты избирательных кампаний любого уровня. Обе идеи исходили из представлений о слое собственников как о среднем классе, активно влияющем на формирование политической системы, обеспечивающем стабильность политического развития общества.

Совокупность данных идей оказалась идейной платформой всей агитации в пользу приватизации. Поскольку процесс приватизации осуществлялся сверху, высшей исполнительной властью страны, то они вошли во многие официальные государственные документы, в том числе выступления и послания Президента РФ Б. Н. Ельцина²⁷. Поскольку приватизация насаждалась сверху и контролировалась как политика из-за рубежа национальными и международными финансовыми, научными, экономическими структурами, то эти идеи широко использовались в дискуссиях, в речах официальных лиц, в средствах массовой информации, в том числе отечественных. Конечно, распространение этих идей вызывало бурную политическую реакцию внутри российского общества, становилось сильнейшим мотивом межпартийной и электоральной борьбы.

Примечания

- Голдман М.* Приватизация в России: можно ли исправить допущенные ошибки? // Проблемы теории и практики управления. 2000. №4; *Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации. Социс. 2002. №9; *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996; *Пшевворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. М., 2000.
- ² Цит. по: Категории политической науки / Под ред. А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С.251.
- ³ См.: *Демидов А.И.* Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. 1998. №8–9.
- ⁴ *Соловьёв В.С.* Русская идея // Русская идея. М., 1992. С.185–204; *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (Избранные статьи по философии, русской истории и культуре): В 2 т. СПб., 1991; *Лосский Н.О.* Характер русского народа. В 2 кн. М., 1990; *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии / Пер. с англ. М.А. Маслина // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 463–489; *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2005; *Ильин И.А.* Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М., 1992.
- ⁵ Послание Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2005 г. 26 апр.
- ⁶ *Бердяев Н. О «вечном бабьем» в русской душе // Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С.41.*
- ⁷ Россия // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1991. С.81.
- ⁸ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 67.
- ⁹ *Сорокин П.А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии... С.483.
- ¹⁰ *Бердяев Н.* Азиатская и европейская душа // Судьба России... С.55.
- ¹¹ О значении пространства, как одном из важнейших факторов, воздействовавших на формирование русского национального характера, русских традиций писали С.М. Соловьёв, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, Л.Н. Гумилёв и многие их современные последователи. Очень своеобразно отразил такую позицию Н.А. Бердяев. Приведём его суждения из статьи с характерным названием «О власти пространства над русской душой»: «Государственно овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и неразвита была самостоятельность классов и групп... Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть... Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности... Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры» (*Бердяев Н.* Судьба России... С. 59–61).
- ¹² *Зиновьев А.* Идеология партии будущего. М., 2003. С.67.
- ¹³ См.: *Андропов Ю.В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983. С. 231–249.
- ¹⁴ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия: Коллективная монография / Под ред. В.В. Журавлёва. М., 1995. С.291.
- ¹⁵ См.: *Горбачёв М.С.* Избранные речи и статьи: В 7 т. М., 1987. Т.2. С.139, 147; Т.3. С. 330–331; Перестройка. М., 1990. С.11, 34–37.
- ¹⁶ См.: *Алексеев С.В., Каламанов В.А., Черненко А.Г.* Идеологические ориентиры России: В 2 т. М., 1998. Т.1. С. 114–115.
- ¹⁷ Либеральная мысль в России XIX – начала XX в. была развита слабо, носила во многом вторичный по отношению к западноевропейской науке характер, пыталась приспособиться к российским монархическим условиям (см. об этом: Либерализм в России. М., 1996; *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; *Слобожаникова В.С.* Политические идеалы мыслителей России 30–40-х годов XIX века. Саратов, 2000 и др.).
- ¹⁸ См.: *Алексеева Т.А.* Либерализм как политическая идеология // Полис. 2000. №1; *Мизес Л.* Либерализм в классической традиции // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2.
- ¹⁹ См.: *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 169–220.
- ²⁰ Цит. по: *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 203.
- ²¹ См.: *Капустин Б.Г., Клямкин И.М.* Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. №1; *Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 2000 и др.
- ²² Конституция Российской Федерации. М., 1997. С.9.
- ²³ *Жуков В.И.* Реформы в России. 1985 – 1995 годы. М., 1997. С. 25.
- ²⁴ См.: *Мау В.А.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Экономика переходного периода: Сб. избр. работ 1999–2002 гг. М., 2003. С. 113–115; *Улюкаев А.* Экономика и политика эпохи реформ и потрясений. М., 1997. С. 193–212; *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 102–141.
- ²⁵ См.: *Глазьев С.* Геноцид. М., 1998. С. 80–82; *Лисичкин В.А., Шелетин Л.А.* Россия под властью плутокра-

тии. М., 2003. С. 102-108, 141-147; Сироткин В. Кто обворовал Россию? М., 2003. С. 200-213 и др.

²⁶ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 189.

²⁷ Весьма красноречивым в этом смысле является фрагмент речи Б. Н. Ельцина по центральному телевидению в декабре 1993 г.: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное

зависит от нас. Каждый гражданин России, каждая семья получит свободу выбора. Приватизационный ваучер – это для каждого из нас билет в мир свободной экономики». (Цит. по: Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разорбления России. М., 2001.) Подобных лицемерных, насквозь идеологических заявлений представители исполнительной власти рассыпали бесчисленно.

УДК 32.01

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Т.Н. Митрохина

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
e-mail: mtm002@rambler.ru

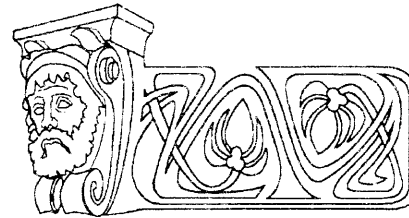
В рамках статьи анализируются лишь некоторые специфические особенности такой интенсивно развиваемой отрасли научного знания как современная сравнительная политология, научное пространство которой охватывается объектом исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, анализ каждого из которых в отдельности оказывается не специфичен. Вместе взятые они формируют субкультурный анклаву современной политической науки.

Some specific features of comparative study of policy

T.N. Mitrokhina

In the frames of article only specific peculiarities of such intensively developing branch of scientific knowledge as a comparative politics are analysed. Scientific space of comparative politics are outlining by object of research, methodological and objectively thematic directions at the same time. Analysis of each of them in particular is not specific. In a whole they are forming subcultural part of modern political science.

Современная сравнительная политология представляет собой одну из наиболее активно развивающихся отраслей политического знания. О популярности этого направления говорит факт заинтересованности государственных структур самого высокого порядка в проведении сравнительных исследований, что подкрепляется серьезным финансированием этой отрасли знания, однако в основе своей имеющим источники не российского происхождения. Трудно оперировать конкретной информацией относительно сумм, затрачиваемых на осуществление сравнительных исследований зарубежными фондами. Тем не менее можно заметить, что сотрудничество фондов Эберта, Аденуэра, Карнеги, Сороса, Макартуров, Кеннана даже с учеными Саратовского университета весьма ошутимо в последнее десятилетие. Этот факт не может не привлечь к себе внимания и не стимулировать попытку проанализировать причины этого явления, которые, на наш взгляд, коренятся именно в сфере особенностей поли-

тической компаративистики как самостоятельной значимой научной отрасли.

Сравнение как методологический прием изучения политики доказало свою состоятельность, функциональность, продуктивность на протяжении сотен лет своего существования. Применение сравнительного анализа в научных исследованиях сделало возможным усилиями компаративистов выделить политические системы в качестве самостоятельного объекта исследования, осуществить структурирование политических образований по различным сегментам и основаниям, в качестве которых анализировались традиции, институты, индивиды, поведение. Выделены исторические периоды в развитии систем, определены закономерности их функционирования, причины наблюдаемых следствий. Осуществлено ранжирование факторов по уровню влияния на развитие и деградацию политических систем. Это лишь то небольшое, которое можно назвать из того, что удалось осуществить в политической науке благодаря сравнительному анализу.

В результате функционального анализа сравнения выявлена его многоаспектная и значительная роль в процессе развития политической теории. Сам процесс ее формирования инициирован тем, что появилась возможность сравнивать себя и свой образ жизни с иными укладами. Дифференциация общественности, долгое время сохранявшегося единым, стала возможна, в том числе, за счет специфики сравнительного метода. Посредством сравнительного анализа совершенствуется понятийный аппарат науки, выявляются закономерности политического функционирования, осуществляется верификация данных. Сравнение перспективно в плане интеграции политического сообщества путем формирования метаязыка и метатеории политической науки. Следствием сравнений является не только развитие политической теории, но и такие глобальные